

A black and white portrait of a man with dark hair, looking directly at the camera. He has a hand resting on his chin, with his index finger pointing upwards. The image has a grainy, high-contrast quality.

Марис Гайлис

ШЕСТЬ ЛЕТ ВО
ВЛАСТИ

Марис Гайлис

Шесть лет во власти

«Издательские решения»

Гайлис М.

Шесть лет во власти / М. Гайлис — «Издательские решения»,

ISBN 978-8-38-126874-5

Двадцать лет назад вышла книга бывшего премьер-министра Латвии Мариса Гайлиса о первых годах после восстановления независимости. Книга описывает шесть лет работы автора на разных должностях в правительстве страны. Книга была написана «по горячим следам», вскоре после ухода автора из политики. Теперь она переиздается в электронном виде в надежде, что она может быть интересна каждому, кто задумывается о политической карьере или интересуется современной историей.

ISBN 978-8-38-126874-5

© Гайлис М.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
На пути к самостоятельной внешней торговле	8
Между Китаем и Тайванем ¹	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Шесть лет во власти

Марис Гайлис

*Всякую власть следует принимать раньше,
чем ожидаешь сам, а отдавать раньше,
чем ожидают другие.*

Гней Помпей

Перевод с латышского языка под редакцией Т. В. Шабановой.

Художник Гунар Лусис.

В книге использованы фотографии У. Бриедиса, И. Калниныша, А. Криевиньша, А. Лиепиньша, У. Паже, И. Знотиньша, а также из личного архива автора.

© М. Гайлис, текст, 1997

© Г. Лусис, худ. оформление, 1997

© Марис Гайлис, 2018

ISBN 978-83-8126-874-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Извечный вопрос, почему и зачем я пишу. И почему пишу именно так. Время мемуаров будто бы по-настоящему еще не пришло. Слишком многое из пережитого еще в памяти не улеглось, ведь в сумятице событий часто так трудно заметить взаимосвязи, а строгим документам определить их подлинное место, они все равно станут историей, которая всегда будет процессом становления.

В свою очередь лица, которым так или иначе суждено появиться в моем рассказе, в основном пребывают еще в сегодняшней активной политике или предпринимательстве, и, не приведи Господь, мне своими неизбежно субъективными оценками накалить искренне не желаемые страсти.

И все же, все же...

Время, что мне посчастливилось пережить, работая в доме №36 по бульвару Бривибас, было фантастически интересным и, без всякого сомнения, неповторимым. Начиная с июня 1990 года, когда Ивар Годманис пригласил меня создать абсолютно новую структуру – Департамент внешнеэкономических связей, и затем через все драмы 1991 года: январские баррикады, августовский путч, восстановление независимости Латвии, далее организация партий, выборы в V и выборы в VI Сейм, после которых я оставил Дом правительства, сложив с себя полномочия премьер-министра. Все это время я сознавал, что нахожусь в чрезвычайно интересной, и в известной мере в исключительной ситуации.

Меня не оставляло ощущение, что я являюсь непосредственным участником истории. Я был свидетелем очень многих важных событий как в период баррикад и путча, так и позже. Приходилось встречаться с множеством самых разных людей. Именно поэтому мне представляется очень важным описать это теперь, не дожидаясь старости (истинного момента для мемуаров), ибо в отличие от некоторых бывших коллег, например, Яниса Юрканса, я не вел дневника, о чем теперь глубоко сожалею. К тому же со временем сотрется в памяти острота восприятий и переживаний, утратят свою актуальность многие важные тонкости и нюансы. Хотя без сомнения описание пережитого спустя долгое время было бы более философским и объективным.

Хотелось бы отметить следующий архиважный момент: в бурное время крутых исторических перемен человеку (особенно находящемуся во власти) необходимо твердо придерживаться некоторых принципов. И, если кто-то из начинающих политиков этого не делал, то почти смело можно сказать, что теперь его больше не вспоминают. Речь, несомненно, идет о морали, о нравственных принципах. Ведь с 1990 года, когда я стал работать в сфере, связанной с валютой, что определяло мое исключительное положение, не раз меня искушали. Справедливости ради следует сказать, что деньги предлагали редко, а вот сотрудничество во вновь создаваемых предприятиях – часто.

С первого же дня работы я дал себе слово, что никогда с такого рода делами связываться не буду, даже, если все будет в рамках закона, или, как теперь принято говорить, прозрачно. Нередко, отказываясь, я говорил, что, когда уйду из политики, мне, возможно, придется трудно, вот тогда, может быть, я обращусь за помощью к доброжелателям. Тем самым я имел главный капитал политика – развязанные руки. Кстати из взошедших тогда светил бизнеса, по крайней мере 80% тихо или громко погасли. Так что первый принцип: сохранять чистыми руки.

Второй принцип – это умение отличать главное от второстепенного. Поначалу здесь я действовал интуитивно. Только после восстановления независимости, когда в Ригу прибыли консультанты программы PHARE от Европейского Союза, мы научились понимать, что одной из важнейших стратегий в политике является определение приоритетов. Тогда приоритетами

были выбраны основные составляющие государственной инфраструктуры – сельское хозяйство, энергетика и транспорт. Как бы это не звучало, но определение приоритетов – прямая заслуга западных консультантов.

Третий принцип, по крайней мере для меня, это воспринимать происходящее как можно легче, не принимать близко к сердцу каждую мелочь. Только так можно сохранять внутреннее равновесие и способность действовать.

Говоря о своем четвертом принципе, я затрудняюсь четко определить: везло ли мне, или Господь наградил меня от природы этой способностью, а скорее всего, и то, и другое, – но с самого первого своего шага по ступеням политической карьеры мне удавалось создать команду. Подбирая людей, я исходил из того, что, во-первых, каждый человек, если, конечно, он честен и не круглый дурак, может приносить пользу, занимаясь именно своим делом в команде, во-вторых, сохранять правильно подобранных людей, сохранять как команду и брать их с собой, переходя из должности в должность.

Разумеется, менялась жизнь, менялись и члены в команде: кто-то отходил в сторону, кто-то находил для себя что-то лучше. Так, еще со времен видеоцентра вместе со мной были Майра Мора, Янис Карклиныш (теперь они оба на дипломатической службе) и секретарь Яна Зара.

Я не боюсь субъективности в моем рассказе, в конце концов, иначе и быть не может: это же не аналитическое исследование, а мое видение, понимание и оценка всех этих шести лет во власти. К тому же я привык к постоянной критике, порой и вовсе не обоснованной, подчас и несправедливой, поэтому я приму с благодарностью любые замечания, огорчит меня только то, если останутся совсем незамеченными мои добрые намерения.

Итак, уважаемый читатель, окунемся в водоворот нашей общей совсем недавней истории, тем не менее уже ставшей ярчайшей вехой в истории Латвии.

Февраль 1997 года

Замысел этой книги у меня родился в начале 1996 года. Тогда я еще и представить себе не мог, что написание ее потребует много усилий и времени. Поначалу кажется, что описываемые события вот здесь, совсем рядом с тобой, в тебе, и нужно только их записать. Однако оказалось, что и в памяти могут быть какие-то сбои, да и само повествование о столь недавних событиях чревато возможными последствиями морального, нравственного, политического толка. Впрочем, это удел мемуаров всех политиков. Как бы там ни было, мои записи теперь перед вами. На сегодняшний день я этим удовлетворен, к тому же меня окружают те люди, без заинтересованного участия которых и вовремя данного совета моя работа не могла бы быть осуществлена. Я хотел бы сказать слова признательности в адрес этих людей: мэра г. Вентспилса Айвара Лемберга, управляющего Вентспилским портом Иманта Сармулиса, предпринимателя Мариса Бланка, члена Европейского суда по правам человека Эгила Левита, главы латвийской миссии ООН в Женеве Романа Бауманиса, председателя совета А/О «Пресес Апвиениба» Петериса Банковскиса, редактора русского перевода Тамары Шабановой, генерального секретаря «Латвийского пути» Юриса Лоренца, зампреда Совета по радио и телевидению Роланда Тьярве, издателя Юриса Высоцкиса, художников Мары Линдберги и Гунара Лусиса, экономиста Эйжена Цепурниека, Андрея Стиглица, Мариса Граудыня, а также, разумеется, моих родителей Эльзы и Валентина Гайлисов, моей жены Зайги, дочери Агнессы, сыновей Гатиса и Мартиньша, без чьей моральной поддержки, понимания и терпения мой замысел так бы и остался только замыслом.

На пути к самостоятельной внешней торговле

Первые контакты с будущим правительством появились у меня в конце 1989 года, когда я работал директором Рижского видеоцентра. Там, естественно, функционировала группа поддержки Народного фронта, но я сам, хотя и был членом НФ, не участвовал ни в одном мероприятии. В начале 1990 года все мы, те, кто в свое время вступили, (в видеоцентре таких было человек восемь), коллективно вышли из компартии. Приближались выборы в Верховный Совет, и НФ заказал нам рекламный видеоклип для демонстрации по Латвийскому ТВ. Мы заключили с НФ договор и доверили эту работу Андрису Слапинышу, Мартиньш Браунс писал музыку. Видеоклип, по-моему, удался, для его принятия к нам явилась целая делегация, в которой были также Ивар Годманис и Сандра Калниете. Сандру Калниете я не знал, Ивара знал довольно хорошо еще с 1967 года по I-й рижской средней школе (мы учились в параллельных классах). В то время я был одержим идеей, которая, как это иногда случается с моими идеями, родилась раньше на несколько лет. Фактически это была идея модернизации коммуникаций в Латвии, которая впоследствии воплотилась в варианте «Латтелекома». Тогда мы хотели реализовать ее на базе видеоцентра. Подыскивали инвестора, который согласился бы внедрить в Латвии сеть оптического кабеля как для телекоммуникаций, так и для многоканального кабельного телевидения.

Нашли одного бизнесмена – Марка Вудлингера, которому прямо так выложили, что нам нужно 100 миллионов. Он ответил, что они будут. Глядя на это с высоты сегодняшнего опыта, я поражаюсь нашей тогдашней наивности, но именно так мы тогда и поступали. Образовали совместную фирму, которая долгое время была на самом верху зарегистрированных совместных фирм в Латвии, ибо основным ее капиталом считали сто миллионов, хотя реальным был вклад всего каких-то десяти тысяч долларов.

С И. Годманисом я снова встретился в поезде по дороге в Москву. Он только что вернулся из Австрии, накупив гору видеофильмов. Тогда же мы договорились встретиться: он обещал рассказать, как работает видеопрокат в Австрии. Но по каким-то причинам мы так и не встретились. Позднее, когда я хотел с ним увидеться как с заместителем председателя НФ, чтобы обговорить тот самый наш грандиозный (на сто миллионов) проект, то я пару раз заходил в помещение НФ, но Ивар просто не явился в те разы на встречу. Я был на него основательно рассержен, но что из того? Таким и был во времена НФ Ивар Годманис.

Как известно, на выборах в Верховный Совет победил Народный Фронт, и И. Годманис стал премьер-министром. Через пару дней после его назначения я наконец-то к нему попал, причем вместе с М. Вудлингером. Рассказали о нашем проекте и попросили о государственной поддержке. И. Годманис проект, в общем, оценил положительно. А в то время за проект телекоммуникаций боролись также адвокат Юрис Барс и активист из зарубежных латышей Аристид Ламбергс, и они уже в первый день успели получить от И. Годманиса такую бумагу, которая подтверждала их эксклюзивные права на все переговоры по латвийским телекоммуникационным делам. Вполне понятно, что у нас с ними возник конфликт. В создавшейся коллизии с И. Годманисом мне пришлось встречаться пару раз в течение короткого времени.

Забегая вперед, следует сказать, что министр связи Андрис Гутманис выслушал предложения Ю. Барса и поддерживающих его (там действовала адвокатская фирма, которая имела уже стабильный оплаченный договор на много миллионов долларов), и был подготовлен для представления в Верховный Совет закон, который определял, что в результате конкурса у выбранной компании будут монопольные права в области телекоммуникаций на тридцать лет. Дальнейшие события развивались уже при правительстве В. Биркавса. До финала конкурса дошли два консорциума: Deutsche Telekom совместно со шведским Telia и английская частная компания Cable & Wireless совместно с Fintelecom (этот консорциум превра-

тился в TILTS Communication). На заседании правительства произошло голосование, я и Георг Андреевс голосовали за немецкое предложение, потому что второе нам казалось каким-то несбалансированным. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что международная комиссия больше была сориентирована на англо-финское предложение. Положительным, конечно, было то, что в составе консорциума-победителя была частная компания. Интересно, что именно в этот период, когда происходило обсуждение данных проектов, Латвию посетили как шведский, так и финский премьер-министры, а также и г-н Джон Мейджор прислал письмо (интересное совпадение?).

Как бы то ни было, но за этот период весьма значительным стало развитие наших телекоммуникаций. Конечно, иностранные инвесторы рассматривают это прежде всего как бизнес. Но и не только, и именно этому я больше всего радуюсь. Когда я уже был премьер-министром, в одну из своих пятничных поездок я посещал курземское побережье. Ехали из Лиепаи, было намечено заехать в Мазирбе, где функционирует созданная еще при И. Годманисе организация ливов «Ливу крастс», а также нужно было встретиться с представителями местного самоуправления. С горечью я убедился, что руководители «Ливу крастс» находятся в непрерывном конфликте с местной общественностью. Мне (а я встречался с обеими конфликтующими сторонами) пришлось выслушать массу упреков. И прежде всего это то, что прибрежные села остались фактически без связи. Радиотелефонная связь, которая благодаря размещенным в селах пограничным частям советской армии была в советское время, сейчас перестала существовать, ибо уходя, российская армия забрала с собой и все техническое оборудование. Точно также как полностью прекратилось и автобусное сообщение: его из-за небольшого числа пассажиров нужно субсидировать, но у органов самоуправления для этих нужд нет денег. Мне было высказано недовольство, почему «Ливу крастс» расходует деньги на разработку концепций в исследовании истории и еще неизвестно на что, а не вкладывает их, например, для обеспечения транспорта. Конечно, эти упреки несправедливы, ведь «Ливу крастс» не задумывалась как подмена самоуправления.

Так или иначе, в разговоре с местными сельскими жителями я пообещал, что буду делать все возможное, чтобы они имели хотя бы телефонную связь. По возвращении я поговорил с министром связи и председателем наблюдательного совета «Латтелеком», требуя, чтобы они сделали что-то для разрешения вопроса. В тот момент мне не пришло на ум, что один из учредителей «Латтелекома» финская компания Fintelecom, а ливы и финны родственные народы. Но именно за это ухватились руководители «Латтелекома», и они намекнули, что попробуют получить деньги от финского правительства (была необходима специальная субсидия, потому что телефонизация курземского побережья никогда не сможет окупиться). Деньги были найдены, над побережьем была протянута специальная релейная линия. Были известные сложности с получением частот, этот вопрос мне пришлось увязывать с Министерством обороны уже тогда, когда я был министром охраны окружающей среды и регионального развития, но дело сделано, и теперь прибрежные села, где зимой живут только по несколько семей, а летом за счет дачников проживает больше народа, снабжены современной телефонной связью, которая вполне соответствует лозунгу «Латтелекома» связать своих клиентов со всем миром.

Ясно одно: в связи с проектами модернизации телекоммуникаций столкнулись интересы двух ориентаций – восточной и западной. И важно то, что победила западная. Потому что самое главное было не допустить монополии прав восточного соседа в латвийской инфраструктуре. Неслучайно, уже спустя годы на страницах прессы тешились журналист Дзинтарс Залукснис и другие апологеты российской ориентации, ну уж они то знали, чьи деньги они отрабатывают.

Что ж вернемся к последовательности рассказа, надеюсь, что читатель понимает, что такие скачки во времени не композиционный прием, а неизбежность, ибо почти все события, начавшись в один конкретный момент, всегда имеют продолжение (или окончание) в дальнейшем, и многих из встреченных мною людей я вновь и вновь встречал совсем в другой связи.

Ведь прошедшие шесть лет в Латвии вместили столько коренных изменений, столько резких поворотов истории, что совершенно невозможно четко разделить недавно прошедшее и только что происходившее.

Итак, 1990 год. Вскоре после утверждения в должности премьер-министра И. Годманис стал думать о реорганизации правительства. Однажды мне позвонили в видеоцентр из канцелярии Годманиса и сказали, что премьер хочет встретиться со мной. Весьма встревоженный, я отправился в дом Совета министров. И. Годманис мне рассказал, что собирается в правительстве создать департамент, который занимался бы всеми делами внешнеэкономических связей, и я один из кандидатов на место генерального директора этого департамента.

Здесь необходимо напомнить, что в условиях Советского Союза примерно до 1988 года в Латвийской ССР абсолютно никто не мог заниматься внешними связями. Вся внешняя торговля была исключительно в ведении московских специальных организаций, валютные средства через Государственный плановый комитет выделяла Москва, ну и все в таком духе. Даже, если была конкретно заработана валюта, как например, в Латвии Министерством деревообрабатывающей промышленности, не было никакой возможности эту валюту получить, или приобрести за нее то, что действительно было необходимо, даже, например, фотоаппарат, который был так нужен в то время министерству для изготовления рекламы. Еще в то время, когда председателем Совета министров был Вилнис Эдвин Бресис (в 1988 г.), было получено разрешение создать республиканскую внешнеторговую организацию «Интерлатвия». Ее основал и вначале руководил ею Арий Зиверт, который позже стал моим заместителем по Департаменту внешнеэкономических связей. Я благодарен Арию Зиверту за очень многое, чему он меня научил. Без сомнения, он был самым опытным, потому что до «Интерлатвии» он работал в латвийском филиале внешнеторговой организации СССР, связанном с торговлей лесом. Уже в следующем году В. Э. Бресис на место А. Зиверта назначил Иманта Цинкуса, а А. Зиверт перешел на работу в отдел внешних связей Совета министров, которым руководил Я. Лиепиньш. У этого структурного подразделения были весьма ограниченные полномочия, к тому же оно работало в тесной зависимости от КГБ. В компетенцию этого отдела входили международные выставки, в которых участвовала Латвийская ССР, деньги на заграничные командировки, отчеты за командировки и т. п. Таким образом, Департамент внешних связей в сущности надо было создавать на пустом месте. И. Годманис, пригласив меня, познакомил со своими схематическими представлениями о задачах и структуре данного подразделения. Моими конкурентами на пост генерального директора были Виктор Кулбергс и Марис Форстс. В. Кулбергс был широко известен как основатель «Клуба старинных автомобилей» и Рижского автомوزهя, М. Форстс руководил фирмой «Адажи Импекс», которая, используя прежний колхоз «Адажи», точнее связи Альберта Каулса, напропалую грабила Россию: за советские деньги по местным ценам скупала минеральные удобрения и за валюту продавала их на Запад. Кажется, именно тогда-то в значительной мере и началось восхождение наверх небезызвестного Г. Лучанского.

После разговора с И. Годманисом я уехал в свой сельский дом в Бенскую волость. Моя жена Зайга была уже там. Как сегодня помню: мы долго гуляли по красивой аллее, соединяющей дорогу с домом, и обсуждали, что делать: уходить из видеоцентра, или нет. Мне казалось, что как бы ни интересно и перспективно не было бы в видеоцентре, все-таки надо идти дальше. Август Сукутс, мой друг и коллега по видеоцентру, также поддержал меня в пользу перехода на государственную службу. Он дал мне совет, который, возможно, позволил мне позже победить в конкурсе на место генерального директора: порекомендовал мне поехать сразу же в Литву. Из разговоров с И. Годманисом, я знал, что в Литве уже был создан департамент по внешнеэкономическим связям, я отправился туда, встретился с генеральным директором и дотошно его обо всем расспросил, потому что, откровенно говоря, широкого представления о делах, которые связаны с внешнеэкономической деятельностью, у меня тогда не было. Говорили и о структуре департамента, и о его задачах, и о намеченных целях. Вернувшись в Ригу,

я подготовил и подал И. Годманису свои предложения относительно того, как я представляю себе деятельность вновь создаваемого департамента. И через несколько дней мне позвонила помощник И. Годманиса (кстати еще со времен Народного Фронта) Илзе Циелава и сказала, что принято решение в мою пользу, и нужно явиться на заседание Совета министров, где и будет окончательно все решено. Это была своего рода моя премьера: надо было выступать с программой перед Советом министров. Меня утвердили в должности. Позже Янис Кинна, который был одним из ближайших соратников И. Годманиса, признался, что именно он был тем, кто рекомендовал И. Годманису остановить выбор на мне. Мы тогда еще не были знакомы с Я. Кинной, правда, он знал Зайгу, когда она, будучи колхозным архитектором, имела какие-то дела с сельской комиссией Народного Фронта.

Началось напряженное и очень интересное для меня время. Откровенно говоря, особенно уверенным я себя не чувствовал. Прежде всего нужно было думать о сотрудниках департамента. Я уже упоминал о людях из отдела Совета министров. Некоторых из них я знал, в том числе и Лиепиня, так как приходилось иметь с ним дела по работе в видеоцентре. Стало ясно, что большую часть работников придется уволить. Мне удалось добиться, чтобы нашему департаменту были выделены 49 штатных единиц и необходимые деньги. Важен был и вопрос помещения. Я знал, что из дома со стороны ул. Тербатас (там, где сейчас Министерство иностранных дел) вот-вот должен уйти Народный контроль. И, когда это произошло, решением И. Годманиса помещение было отдано нашему департаменту. Перебрались мы туда сразу же. Удалось раздобыть деньги и на ремонт, который осуществили за несколько месяцев.

В тот период мне часто приходилось ездить в Москву для переговоров по самым разным вопросам, из которых главным был, как взять в свои руки всю систему регулирования внешней торговли. В Латвии фактически не было специалистов по внешней торговле. Да, в Москве была Академия внешней торговли, которую закончили пару человек из Латвии, одним из них был Вольдемар Гаварс. Я ему предложил быть моим заместителем, но он отказался, теперь же он работает исполнительным директором Торгово-промышленной палаты. Из юридического отдела Совмина по моему приглашению в департамент пришли два молодых, но уже опытных и профессиональных юриста: Модрис Микельсонс и Зигмунд Спаде. Однако в основном мне пришлось создавать департамент из людей, которые все профессиональные премудрости осваивали по ходу дела. Я и сам все, что знаю о внешней торговле, освоил путем самообразования, разговаривая с людьми, читая, изучая документы, анализируя ситуацию. Сейчас это, наверное, трудно себе представить, что все это происходило тогда, когда все регламентировалось разрешениями. Нам нужно было в течение года достичь того, чтобы Латвия получила права самой регулировать свою внешнюю торговлю. Таможня в то время находилась полностью в ведении СССР. Там были действительны только советского образца декларации и лицензии, которые разрешали ввезти или вывезти то или иное. И Латвия могла получить доступ к валюте, только используя эти торговые разрешения.

В межвременье декретом Горбачева в Москве был основан Валютный комитет. Его функцией было надзирать, чтобы каждая республика перечисляла в Общесоюзный валютный бюджет 30% от своих валютных поступлений. В то самое время начались разговоры о так называемом огромном внешнем долге СССР. Речь шла о 40 млрд долларов. Латвия, я как ее представитель, заявила, что этот внешний долг нужно разделить пропорционально, используя различные показатели (национальный доход, число населения и т.д.). Для Латвии это означало бы около одного процента от этого долга. Во всяком случае это было одним из постоянных источников спора с Москвой.

Именно внешний долг служит тормозом того, что республикам не может быть дана независимость. Мы, в свою очередь, говорили, что заплатим свои 400 млн и пусть нас отпустят на волю. На этот наш пыл в Москве усмехались довольно открыто.

Натянутость с Москвой продолжала оставаться вплоть до апреля 1991 года, когда мы начали работать над документом, который определял, что те республики СССР, которые сами хотят, будут иметь право на лицензирование экспорта тех товаров, которые они производят. Настало поистине золотое время, почти как Клондайк, для тех предпринимателей, которые по фиксированным ценам в рублях покупали разное сырье и вывозили его куда угодно. Тогда, когда Латвия получила эти права на лицензирование, они были делегированы в Департамент по внешнеэкономическим связям. Мне сразу же стало понятно, что у нас нет ничего такого, что можно было бы экспортировать на Запад, ведь там не нужны ни рижские трамваи, ни кофейные мельницы «Страуме». Главный интерес был к русскому сырью: металлам, лесоматериалам, нефтепродуктам. Мы тогда выдали лицензии всем зарегистрированным предприятиям, те подписались, что 10% от полученной валюты будут перечислять правительству. Я и сейчас думаю, что в тот момент поступил правильно. Появилось много неопитов, правда, большая часть из них, это те, кто жили только за счет сиюминутной прибыли, и они вскоре разорились, потому что в конце того же самого года (1991) путь к этой огромной прибыли был закрыт. Наша ошибка заключалась в том, что мы не контролировали, поступают ли обязательные 10% на наш счет. Ведь, у нас и не было настоящих рычагов для этого контроля, ибо фактически у департамента не было таких прав, к тому же это и не входило в наши непосредственные обязанности, да и было нам не по силам. Кто же должен был взять на себя эти контролирующие функции? Торговая инспекция? Финансовая инспекция? Или кто-то еще? Ясности в этом вопросе в то время не было. Скорее всего, нужно было прежде всего разработать механизм контроля, и только затем выдавать лицензии. Но и очевидно то, что тогда и некому было бы выдавать эти лицензии, ибо, как я уже говорил, возможности вывоза сырья из России были всего лишь несколько месяцев. К тому же мы надеялись, что компании, которые занимались реэкспортом, таким образом накопят солидный личный капитал и потом станут делать инвестиции, развиваться здесь, на месте. Конечно же, все оказалось совсем не так. Большая часть этих предприятий по тем или иным причинам разорилась, главным образом потому, что они не функционировали как солидные предприятия, а использовали ситуацию, чтобы за счет распада советского государства урвать только для себя. Деньги чаще всего были растрочены на дорогие дома и машины, новых вложений не было, и вместе с этим окончилось райское существование этих горе-предпринимателей. Суммы, которые тогда переправлялись через Латвию были огромны, но точных цифр, наверняка, не знает никто.

По работе мне в силу различных причин приходилось встречаться и контактировать с самыми разными предпринимателями. Увы, многие из тех, кто приходили ко мне как к генеральному директору Департамента по внешнеэкономическим связям, чтобы договориться о разрешении основать совместное предприятие (что, конечно, было не запрещено), или получить какую-либо другую поддержку, просто исчезали.

К примеру, активным предпринимателем тогда был некий Валериан Чиковани. Он занимался импортом-экспортом различных товаров. Теперь он исчез бесследно, хотя мне кажется, что после себя он оставил много разных проблем и долгов, хотя бы то, что он имел отношение к так и не начавшему свою деятельность «Балтийскому Международному банку» (здание на углу ул. Элизабетес и Тербатас ремонтировали приглашенные турецкие рабочие, а на пост президента банка он выдвигал Велту Пуриню, известного диктора Латвийского телевидения).

В период перемен всегда хватает аферистов, но, слава Богу, есть также и предприниматели, которые способны встать на ноги и продолжать успешно работать. Одним из них несомненно является Раймонд Геркенс, один из немногих крупных коммерсантов латышского происхождения. Если я не ошибаюсь, он брат первой жены тогдашнего министра финансов Элмара Силиня. Р. Геркенсу как первому частному предпринимателю в Латвии была выдана лицензия за номером один, было это в году этак 90-м. Вспоминаю, что я сам с огромным удовольствием посетил его первый валютный магазинчик, где купил несколько подарков к Рождеству

по 10 центов каждый. Р. Геркенс – человек, который довольно удачно нашел свою торговую жилу: товары не высшего качества, однако они предназначены очень широкому кругу покупателей, и тем самым он сумел продержаться в самые сложные и трудные периоды. Ясно, что такие коммерсанты нам нужны, ведь они есть в любой стране мира.

Обязательно я хочу сказать о Юлии Круминьше. С ним меня познакомил старый знакомый Гунар Салтайс, тогдашний председатель рыболовецкого колхоза «9-е мая», человек, который мне очень помог в организации первого кинофорума «Арсенал». Именно Г. Салтайс оказался тем, кто не брал в голову всяческие указания и предупреждения, исходящие от тогдашнего председателя Комитета по кинематографии Латвийской ССР Эльвиры Дрейбанде, и одолжил нам, если мне не изменяет память, 200 000 рублей для проведения кинофорума.

Юлий Круминьш начал с экспорта различных товаров и с разведения роз, заработанный в расцвет кооперативов капитал он использовал, чтобы создать свой первый порт Мангали, арендуя часть причалов у рыболовецкого колхоза. Через этот порт он начал экспорт древесины и торфа, приобретя свой первый корабль «Клинтс», после чего обратился также к транзиту нефтепродуктов и их торговле, развивая свою сеть бензотанков. На мой взгляд, Юлий Круминьш – яркий пример латышского энтузиаста. Интересно, что первые латышские предприниматели (я говорю о тех, кто выжил) с принципами предпринимательской деятельности познакомились еще при советской власти благодаря той профессии, которая это позволяла, например, директор фильма. Им в советское время и был Юлий Круминьш. Ведь представителям этой профессии нередко нужно было действовать именно так, как этого требуют законы свободного рынка, ибо им часто необходимо было сделать невозможное из ничего, необходимо было уметь ориентироваться в самых разнообразных областях и надо было быть крайне предприимчивыми и дееспособными. Второй профессиональной кузницей кадров были, конечно, рестораны и бары. Недаром многие известные ныне предприниматели – это бывшие бармены. Достаточно здесь назвать президента SWH Riga Айнара Гулбиса (хотя его успехи в бизнесе могут быть и переменчивы), шефа LIDO Гунара Кирсона, или того же Раймонда Геркенса. Нельзя забывать также и политика, депутата Сейма Карлиса Лейшкална. Ресторанный бизнес Г. Кирсона развивается действительно успешно. Наверное, не все знают, что у него замечательное хобби – обработка дерева и столярничество: изделия своей мастерской он всегда использует в своих довольно часто обновляемых интерьерах, что связано с изменчивыми вкусами посетителей.

Несколько слов хочется сказать и об Айнаре Гулбисе. Конечно; в прежний бар «Мальвина» иногда заходил и я, но как бармена тех времен я его не запомнил. Узнал его, когда образовался SWH Riga, кстати эта фирма очень быстро приобрела хорошую славу как в Латвии, так и за ее пределами. Кажется, это было впервые, когда латыши стали известны в мире своей интеллектуальной продукцией. Понятно, что и без Яниса Гобиня, живущего в Германии, и вклада его фирмы Infologicistic GmbH в решении вопросов маркетинга, SWH Riga никуда не попала бы. Я. Гобиныш позаботился также о заказах программного обеспечения для первых крупных аналитических систем. По-моему, начало было действительно успешным. Появился капитал, к сожалению, вместе с этим капиталом росли и аппетиты. В начале 90-х были большие возможности развития в различных направлениях, получение в свою собственность различных объектов. SWH Riga и стремилось это сделать, увы, одновременно с этим был утрачен контроль, и весь огромный холдинг стал неуправляем. Это был первый звонок о крахе. Противоположных результатов добилось Skonto. Оно также работало в самых разнообразных областях, начиная с банка и транзита нефти и кончая ресторанным бизнесом, а также изготовлением алюминиевых окон. Однако у каждого из этих предприятий отдельный баланс, а в холдинге или в рамках группы не происходит перераспределения средств на благо неудачно работающих предприятий, лишая таким образом шансов роста тех, кто работает. Кажется, что именно

в случае с SWH Riga удачно изысканные программистами деньги, растворились в неудачных проектах: Dambis, Броценский цементный завод, Interlatvija, исключение составляет «Радио SWH», которое под очень успешным руководством Зигмара Лиепиня приобрело финансовую самостоятельность и стало существенным фактором рынка масс-медиа в Латвии. Не раз приходилось мне встречаться и с Адольфасом Садаускисом. Он несомненно являет собой пример удачливого и корректного предпринимателя.

Совершенно иной, хотя и с типичными постсоветскими чертами, является Анита Грибусте: предприимчивая, симпатичная, очень энергичная. Мне кажется, что поначалу она организовала достаточно хороший бизнес и все предложенное ею было весьма высококачественным. Увы, она, очевидно, просчиталась, перепутав оборот с прибылью. Это, между прочим, самый характерный недостаток многих начинающих деловых людей: оборот есть, приток денег значительный, к сожалению, в стороне остается факт, что и расходы при этом тоже большие. Так, вот, А. Грибусте взяла в Сберегательном банке кредит под очень большие проценты, надеясь его обменять на кредит G-24; это не удалось, хорошие времена уже закончились, что и привело А. Грибусте к банкротству. В период, когда я возглавил правительство, исходя из политического решения, кредиты G-24 частным предпринимателям больше не выдавались. Кстати, неприятным стало и то, что выяснилось: заложенный под кредит семейный дом Грибусте не совсем честным путем был переписан на имя матери, тем самым банк не мог получить залог. У меня в памяти в этой связи осталось одно из показательных интервью Аниты Грибусте, в котором она рассказывала о том, как, будучи во Франции, увидев в магазине шляпу за тысячу долларов, никак не смогла удержаться, чтобы не купить ее. Что еще к этому добавить?

Перед вновь созданным Департаментом внешнеэкономических связей Совета министров первоочередной стала задача – добиться, чтобы на счету нового правительства была свободно конвертируемая валюта. До сих пор единственным источником, откуда в республике вообще могла появиться валюта, были валютные отчисления, соответствующие нормативам, определяемым Москвой. Следует отметить, что в этот период все больше и больше на родину отцов и праотцов стали приезжать зарубежные латыши, и у них естественно была валюта. Поэтому первое постановление, которое подготовил новый департамент 4 июля 1990 г., было об оплате услуг в валюте. Постановлением предусматривалась возможность (и это было, пожалуй, самым главным) создания специализированных магазинов, которым разрешалось работать с валютой, уплачивая 10% в фонд правительства. Постановили также, что Департамент внешнеэкономических связей будет регистрировать эти магазины. Не трудно догадаться, что моментально же активировались все бывшие валютные спекулянты. Но мы добились главного: торговля валютой перестала быть уголовно наказуемой. В нашу задачу входил контроль за тем, чтобы магазинчики не мешали вместе валюту с рублями, и это было сложно. В то время ведь еще сохранялся этот смешной курс – 60 коп. за 1 доллар. Руководя Департаментом, в этом вопросе я проводил такую политику, что чем больше будет подобных магазинов, тем быстрее будет развиваться сеть альтернативной торговли, отличающейся от существующей и выбором товаров, и лучшим обслуживанием. Так это и произошло. Когда мы перешли на латвийский рубль, государственные магазины вообще как-то само собой стали исчезать.

Другой важный документ, подготовленный нами совместно с руководителем комиссии по торговле Верховного Совета Альфредом Чепанисом, – это постановление Верховного Совета о свободной купле-продаже в Латвии валюты. Принятием этого документа больше всего могли бы быть довольны ставшие известными позже Валерий Каргин и Виктор Красовицкий со своим Parex banka, поскольку такого рода бизнес был фундаментом их банка. К тому же действие этого постановления фактически ликвидировало черный валютный рынок. Мы здесь ничего нового не придумывали, ведь подобным образом в свое время действовала Польша. В результате стало возможным каждому желающему за советские рубли свободно купить доллары и другую иностранную валюту, формировался также какой-то рынок со своим курсом

валют, так, например, около 30 руб. за доллар. Естественно, что образованный затем Банк Латвии тоже принял уже сложившийся на рынке валютный курс, и в 1992 году он стал основой установленных Банком Латвии курсов. Иначе говоря, Банк Латвии зафиксировал ситуацию на рынке и определил ее как свою.

Таким образом, мы вплотную подошли к рынку в одной из самых важных областей – торговле валютой. Следует помнить и о том, что совсем не так уж много государств, где разрешена свободная торговля валютой, и Латвия – среди них, в Израиле, например, этого нет. Конечно, назло официально разрешенной деятельности с валютой, по-прежнему, в местах обмена валюты часто можно видеть спекулянтов. Почему? Они обходят налоги, хотя разница курсов совсем небольшая, и многого здесь не заработаешь.

К сожалению, наша деятельность по созданию валютного рынка проходила в известной мере изолированно, без согласования с литовскими и эстонскими коллегами; Литва отстала от нас в этом на какой-то год, с Эстонией мы шли почти шаг в шаг.

Причитающиеся государству 10% от прибыли валютных магазинов взимала торговая инспекция, которая в то время подчинялась Министерству торговли (ею руководил Арманд Плаудис). Кажется, что эта инспекция кое-как действовала, какую-то часть причитающейся суммы государство все же получало. Надо принимать во внимание и то, что кассовые аппараты, против которых возражают по сей день, в то время вообще не были в почете, хотя уже тогда была очевидна их необходимость. Вспоминаю, что в конце 1991 года к И. Годманису явился какой-то немецкий бизнесмен, с которым премьер заключил договор на закупку большого количества кассовых аппаратов, не обращая внимания на мои робкие возражения, что для осуществления подобной крупной сделки лучше организовать международный конкурс, что определенно выйдет намного дешевле. Кстати замечу, что так бывало не однажды: во многих элементарных вещах он или не был в курсе дела, или просто не желал принимать это во внимание.

Любому, кто хоть что-то слышал о торговле, понятно, никогда не следует соглашаться на крупную сделку с первым же, кто тебе предлагает, из этого не может выйти ничего хорошего.

Тогдашние мои поездки в Москву остались в памяти как сплошной ряд заседаний и обсуждений. Приходилось бывать на совещаниях, которые вел председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, т. е. еще до путчиста В. Павлова. Больше всего все-таки встречался с союзным министром внешней торговли К. Ф. Катушевым, в последний раз говорил с ним аж 19 августа 1991 года, в первый день путча, но об этом в свое время. Вообще, если вспомнить о моих тогдашних московских коллегах, то нужно констатировать, что никого из них в настоящий момент и близко нет в руководстве России. Очевидно, все они принадлежали к ушедшей эпохе. Может показаться, что моя деятельность в то время выглядит теперь не столь уж важной. Но я так не считаю. Например, в 1990 году мне доставляло огромную радость требовать у Н. И. Рыжкова, чтобы внешний долг СССР был разделен пропорционально произведенному продукту каждой республики. Помню реакцию Н. И. Рыжкова на это, остальные присутствующие также это требование восприняли весьма болезненно. Подчеркну и тот важный факт, что уже тогда в кабинетных разговорах, где обсуждались дела с глазу на глаз и не столь официально, можно было почувствовать, что в Москве в сущности уже смирились с мыслью, что прибалтийские республики вот-вот отделятся.

Существенной приметой того времени является и то, что первые коммерческие банки, в том числе банк Балтия и Рижский коммерческий банк стремились получить права заниматься валютными операциями: эти права они должны были получить в Москве, потому что главным центром валютного клиринга был Внешэкономбанк; в конце 1990 года или в начале 1991 года в Риге был открыт филиал этого банка, который назывался Латвийский внешнеэкономбанк, им руководил А. Керре. Мы стали давить на то, чтобы валютные отчисления латвийских предприятий оставались в нашем Внешэкономбанке. Потом появилась альтернатива: прежде

всего, Рижский коммерческий банк, а затем банк Балтия завели валютные счета. Рижскому коммерческому банку первый корреспондентский счет был открыт в шведском Handelsbanken, где они хранили свою валюту. Мне удалось тут же сориентироваться: было издано распоряжение, чтобы латвийские предприятия (главным образом это были государственные предприятия) причитающуюся государственную часть валюты перечисляли в Рижский коммерческий банк. Любопытно, но это было именно то, из-за чего мне едва не пришлось уйти со своего поста, поскольку возник острейший конфликт. И. Годманис обнаружил, что на счету правительства валюты совсем немного, только 10 млн долларов, и, наслушавшись донесений о моей непростительной деятельности в связи с распоряжением хранить валюту в Рижском коммерческом банке, вызвал меня к себе на ковер. Я сказал, что в этом банке, который фактически является частным банком, деньги хранить безопаснее, чем в Москве. Тогда прозвучал упрек, что мы поддерживаем развитие частных банков, а это не способствует развитию экономики. Я отвечал, что любое укрепление банков в принципе означает и развитие экономики.

По количеству выданных экспортных, а в действительности реэкспортных лицензий получалось, что мы экспортируем огромный объем сырья и товаров. Однако это было не так, ибо большая часть лицензий не выполнялась. Практически это невозможно было проверить, так как таможня нам не подчинялась и не отчитывалась перед нами. И. Годманис тогда додумался, что можно установить порядок, введя драконовские, хотя и полностью неправовые меры; вплоть до такого абсурда, что, если кого-то поймают с контрабандой, то и у самого, кто провозил, и у всех его родственников надо конфисковать все имущество. Фактически это могло осуществиться, но в тот момент для этого не было абсолютно никакой правовой базы. Доспорились мы с И. Годманисом об этом и об уже упомянутом вложении валют до того, что он вызвал меня и сказал: «Пиши заявление об уходе!» Я попросил объяснить, почему? И снова мы спорили, и на этом так все и закончилось. С честью для себя могу сказать, что оказался правым я. Ведь деньги, которые латвийские предприятия перечислили в Москву, мы так больше и не увидели, а вложенные в Рижский коммерческий банк, успешно были использованы.

Самые крупные валютные поступления шли тогда из «Вентспилс нефть». Отчислялась валюта за нефть, которую получали, очищая балластные воды с танкеров; полученную таким образом нефть СССР разрешал продавать Латвии, а 10% от выручки (около 3 млн долларов) поступало в распоряжение правительства. Эту операцию осуществила «Интерлатвия», ее директор Имант Цинкус с помощью почетного консула Латвии Нила Далманиса открыл в одном из брюссельских банков счет, на который к концу 1990 года были положены все так или иначе полученные деньги. Я знал, что эти деньги существуют, мы их держали в качестве резерва, чтобы уберечь от глаз Москвы. Еще в 1990 году наш Департамент взял на себя все валютные операции, до этого проводимые тогдашним Министерством экономических реформ, руководимым Янисом Аболтиным. Этими деньгами мы управляли в течение года, т. е. до конца 1991 года, когда наш Департамент был ликвидирован, иначе говоря, путем реорганизации присоединен к Министерству иностранных дел. Как я уже говорил, запасы валюты правительства создавались из отчислений от государственных предприятий и от валютных магазинов. Была составлена смета: деньги на командировки, расходы министерств и т. д. Так, в 1991 году из этих денег мы финансировали покупку отборных семян и эталонных машин для сельского хозяйства, частично финансировали приобретение оборудования для первой очереди очистных сооружений Риги и др. Министерства, в чьем ведении были предприятия, которые уплачивали валютные отчисления, стремились держать свои деньги на счетах за рубежом. Фактически у всех крупных министерств, в том числе у Министерства промышленности, которым руководил Янис Охеринс, и у Министерства сельского хозяйства, которым руководил Дайнис Гегерс, были такие же счета. Д. Гегерс вместе с Я. Охеринсом открыл в Люксембурге счет, через который осуществлял свои расчеты в отведенных правительством пределах. Следует заметить, что они проделали одну интересную операцию, о которой я был информирован.

В 1991 году был момент, когда можно было очень выгодно обменивать марки ГДР на марки ФРГ. У многих предприятий, находящихся в ведении Министерства промышленности, были деньги ГДР, потому что экспорт в основном шел именно в это уже не существующее государство.

По долгу службы я, разумеется, имел связи со всеми членами Совета министров. Большие разногласия были у меня с Янисом Диневичем, который, по-моему, был настоящим социалистом в худшем смысле этого слова. Так, ему принадлежала, такая левацкая идея, что часть валюты у предприятий нужно попросту отнимать в пользу государства и все. Отношение к Дайнису Гегерсу у меня было двойственное: с одной стороны, как человек он производил благоприятное впечатление, а с другой стороны, его действия вызывали у меня, особенно, когда я работал заместителем министра иностранных дел и был координатором гуманитарной помощи, большие возражения. Мне кажется, что Д. Гегерс виноват не только в знаменитом деле ЛАТЫ, но еще и в других бедах побольше. Фактически это он наговорил И. Годманису и навязал правительству мысль, что стране грозит голод, что необходимо дополнительно сотни тысяч тонн зерна. А ведь эти цифры базировались на опыте прежних лет советского хозяйствования, когда в Латвии была большая по объему, но неэффективная пищевая промышленность, ориентированная на союзный рынок. Он абсолютно не был в курсе дела, каковы же были остатки зерна, и что производится на месте. А мне как ответственному за гуманитарную помощь приходилось в Брюсселе просить о помощи зерном; она была получена. И оказалось, что данные, подготовленные Д. Гегерсом, в Брюсселе снизили во много раз, но все равно этого подаренного тогда зерна нам хватило до 1995 года.

В связи с тем, что Д. Гегерс разработал свой неправильный план о положении и перспективах на рынке зерна и хлеба, в Финляндии был взят не особенно выгодный для Латвии кредит, и вновь для приобретения зерна. А выплата этого кредита продолжается и по сей день. Неприятности случились и с горючим (дизелем и бензином). В феврале 1992 года задачей №1 стало достать горючее для весеннего сева. Мы получили в дар от Дании, Швеции, Тайваня, но еще и заняли деньги для приобретения этого горючего. Это были самые первые кредиты G-24, обслуживание которых Д. Гегерс передал ООО Lears. Эта фирма закупала горючее по ценам в полтора раза выше, чем средние рыночные. Прежде всего надо сказать, что Д. Гегерс не умел разглядеть необратимые перемены в хозяйственной структуре государства, тем самым принимая и рекомендуя И. Годманису такие решения, ошибочные последствия которых мы ощущаем до сих пор. Следует отметить также, что у Д. Гегерса было несколько заместителей, с двумя из них – Андрисом Шкеле и Улдисом Беникисом, у меня сложились хорошие отношения. Об А. Шкеле скажу в свое время, а с У. Беникисом потом наши пути почти никак не пересекались.

Любопытно, что тогда, когда летом 1990 года я стал генеральным директором Департамента внешнеэкономических связей, первым моим посетителем был совершенно мне незнакомый Гатис Крузе. Он пришел и просто сказал, что очень хочет стать моим заместителем. Что-то в нем мне сразу же не понравилось, на работу я его, конечно, не взял. И так все сложилось, что я стал для него почти врагом. Г. Крузе в своей визитной карточке, будучи сам директором департамента внешних связей Министерства сельского хозяйства, назвал себя заместителем министра. Эту его визитную карточку я показал И. Годманису, который тоже насторожился и распорядился Г. Крузе уволить. Д. Гегерс его уволил, но тут же создал управление под таким же названием и назначил его начальником. Я не могу точно утверждать, но уверенность в том, что между ними имеются какие-то тесные связи, у меня есть. Не забыл я и о задуманной Г. Крузе афере, в которую мы, слава Богу, не ввязались: покупка за 3 млн немецких марок формы бывшей армии ГДР. Под предлогом переодеть нашу полицию, ведь эра советской милиции закончилась, был принят Закон о полиции; новой формы, конечно, не было. Д. Гегерс и Г. Крузе – оба большие специалисты по делам полиции и армии – поехали в Германию и без какого-либо

согласования заключили договор. Однако одобрения правительства этой, на их взгляд, очень выгодной сделке, они не получили, тем не менее носились с этой идеей они еще довольно долго.

Когда я еще был на стадии утверждения в должности директора Департамента, то я в качестве приглашенного в первый раз участвовал в заседании Совета министров. Помню, что в тот раз я искренне восхищался способностью И. Годманиса вести себя с министрами, которые были намного опытнее и старше его. С тех пор и до начала 1993 года в заседаниях СМ, в том числе и закрытых (во время январских событий 1991 года и в августовский путч), я участвовал регулярно. У меня была великолепная возможность наблюдать, как они проходят, анализировать и делать выводы, т. е. учиться. Несомненно, что эти заседания были под стать самому И. Годманису, ощущалась его твердая рука. При этом, разумеется, сказывалось и отсутствие соответствующего опыта, заседания всегда были недостаточно подготовлены. Всегда возникала возможность завалить нужное решение, и, с другой стороны, можно было принять совершенно сырое постановление. Часто бывало и так, что не придерживались принятой повестки дня, при этом сам И. Годманис заявлял, что должны обсуждать то-то и то-то, но еще важнее что-то другое, и тут же начинал.

Как многие отмечали, И. Годманис говорил много и пространно. Никто особенно не старался ему возражать, или спорить с ним. Как сегодня, помню случай, когда министр юстиции Виктор Скудра, который обсуждаемый документ несомненно видел впервые, стал прямо на заседании его редактировать с юридической точки зрения. Случаи, когда документы перedelывались по ходу заседания, вообще не были редкостью, и понятно, почему рождались ошибки. Заседания проходили в теперешнем зале заседаний премьер-министра, сравнительно небольшом, с довольно плохой вентиляцией помещения, которое фактически всегда было переполнено. Тогда на заседаниях правительства присутствовало очень много людей, нужно это было или нет, но сидели все советники, все заместители министров. Они размещались в удобных кожаных креслах, стоящих в несколько рядов, атмосфера, надо сказать, была довольно благодушная. За овальным столом сидели только министры, заместители ни в коем случае: это считалось серьезным нарушением субординации. Но однажды случилось такое: к столу под села Сандра Калниете, в то время заместитель министра иностранных дел. Зиверт, сидевший рядом со мной, сказал: «Ну и огромнейшую же ошибку она допустила; это Сандре долго будут помнить». Частенько случалось, что сидевшие поодаль просто болтали, тогда И. Годманису приходилось стучать по столу кулаком, чтобы восстановить порядок, в общем-то, его все-таки слушали.

Как известно в общественном сознании время И. Годманиса связано также и с курьезами. Один из них – это поднятая в прессе (и напрасно) шумиха с так называемыми печурками Годманиса. Впрочем, истории с печурками могло и не быть, ведь это не такая уж и плохая вещь. Недавно я встретился с известным тренером по лыжам Янисом Циагуном, являющимся одновременно и дилером чугунных печурок, и он мне рассказал, что все эти печурки, которые он привозит из Норвегии, имеют очень хороший спрос, поскольку они просто великолепны: дрова в них горят по восемь часов. Бизнес Я. Циагуна расширяется, и это очевидное доказательство того, что «печурки Годманиса» имеют свое будущее. Конечно, нельзя переделать многоквартирный дом так, чтобы его можно было бы обогревать такими печками. Само название же «печурки Годманиса» появилось, как это уже у нас принято (к сожалению) как гипербола, которая с ходу была и отмечена. А по сути идея вполне разумная: если человек не может заплатить за центральное отопление, которое к тому же и не эффективное, и не экономичное, то он должен искать выход, а это – как раз печка.

Наблюдая за работой правительства во времена И. Годманиса, я понял, что нужна система, при которой проекты решений должны быть тщательно подготовлены, чтобы на заседаниях кабинета уже не надо было бы дискутировать по юридическим или техническим вопросам. Заседания же Кабинета министров нужны для существенных обсуждений. Я начал

изучать, как происходит принятие решений (постановлений) правительствами других стран: в Швеции, Финляндии, Германии. К тому же мне кажется, что заседание Кабинета министров в известной мере святое, высокое дело. Тогда мы вместе с Левитом выработали систему: на заседании правительства юридические вопросы не обсуждаются, если все же у кого-либо из министров в этом плане появятся вопросы, тогда соответствующий документ отправляется назад к чиновнику для исправления или доработки. Такой порядок мы ввели при правительстве В. Биркавса, возобновляя действие закона 1925 г. «О порядке работы Кабинета министров», при этом следуя его духу и букве. Кстати в законе ясно сказано, что заседания Кабинета министров закрытые, в них не принимает участия ни одно не принадлежащее к нему лицо, за исключением тех, кого пригласил премьер-министр. Конечно, важно, что происходит на заседаниях кабинета. Если там обсуждают характер постановления (решения), как это было во времена И. Годманиса, тогда присутствие советников необходимо, в противном случае министры могут что-то напутать. Но мы ввели систему, при которой для подготовки решений созданы специальные комитеты министров (финансов и экономики, социальных дел, иностранных дел и обороны), где и присутствуют соответствующие специалисты, в то время как Кабинет министров только принимает решение или нет, и присутствие советников здесь не нужно. И вот тогда стали удалять с заседаний правительства многих чиновников и советников, которые так любили там заседать. Этот порядок укрепился при правительстве, которое затем стал возглавлять я, надеюсь, что он в силе и сейчас.

Естественно, что все люди разные, поэтому, хотим мы того или нет, заседания правительства при том или ином премьере отличаются также и эмоционально. В. Биркавс и я более демократичны, не стремимся навязывать свои мысли любой ценой, сначала выслушиваем других, затем пробуем сформулировать общую точку зрения. В свою очередь А. Шкеле более авторитарный (в известной мере он похож на И. Годманиса), он уже в самом начале резко и категорично заявляет, что он думает по тому или иному вопросу, и большая часть министров, слыша это, особенно много и не возражает.

Между Китаем и Тайванем¹

В декабре 1990 года кто-то из чиновников Министерства строительства прислал ко мне Яниса Вилюма и Уолтера Чена, которые предложили большие деньги от Тайваня. Они говорили, что там можно получить сто миллионов (!) долларов. Часть из них нужно будет отдать, а остальные – нет, это будет как подарок Латвии от Китайской Республики Тайвань. Они, конечно же, предупредили, что дело не такое простое, надо будет заплатить за посредничество. Иначе говоря, им обоим причитается 10% от подаренной суммы. Было подписано соглашение между Департаментом и ими, все было согласовано с И. Годманисом. В конце концов, если мы с их помощью можем получить сто миллионов, то почему бы не дать им эти 10%?

Было ясно, что Тайвань в первую очередь интересует политика: мы еще не восстановили свою независимость, а они уже тешили себя надеждой, что с нашей помощью смогут способствовать международному признанию своего государства.

Так вот, г-да Я. Вилюмс и У. Чен явились ко мне, ознакомили со своим проектом и пригласили в гости на Тайвань. И. Годманис поддержал этот планируемый визит, было намечено, что 13 или 15 января 1991 года я вылетаю в Тайбэй. Понятно, что из-за драматических январских событий поездку пришлось тогда отложить, если я не ошибаюсь, на март. За это время было обдумано, что следует ехать уже делегации, которая состояла из Ояра Кехриса и меня. Вместе с нами летели и наши доброжелатели Я. Вилюм и У. Чен, последний является родившимся на Тайване китайцем, постоянно проживающим в США. Здесь надо обязательно заметить, что г-н У. Чен во что

бы то ни стало хотел стать почетным консулом Латвии на Тайване, чтобы там для него была свобода действовать, и в конце концов он им стал. Летели через Бангкок. Следует сказать, это была моя первая поездка в столь экзотические края, поэтому впечатлений было много и действительно запоминающихся. Принимали нас на дипломатическом уровне, я встречался с заместителем министра иностранных дел и с двумя министрами. Вместе с О. Кехрисом мы осмотрели свободную экономическую зону, гостили в Торговой палате, в Международном торговом центре и т. д. Характерно, что во время этого визита я понял, что добиться обещанных ста миллионов будет нелегко, и просто так их дарить никто нам не собирается. Так или иначе, однако первые контакты наладились.

¹ Мне очень хотелось назвать эту главу «Между двумя Китаями», но я хочу остаться корректным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.